

Своя ниша *Культура. — 1994. —*
15 окт. — С. 12.

ОДИН ИЗ СТАИ

Долгое время авторская песня в нашей стране заполняла те ниши, которые на Западе были заняты видеокультурой, рок-музыкой. Тогда она была властительницей дум. А как только открылись шлюзы и хлынуло все находившееся под спудом, авторская песня, естественно, ушла с первого или второго места на «подобающее» ей десятое или пятнадцатое. Однако это не значит, что движение, зародившееся в шестидесятые («Двадцатый век мне выделил мое десятилетие», — поет Вадим Егоров), стало затухать. Просто оно изменилось, перекочевав из уютных кухонь и дружеских компаний в концертные залы.

Только что Вадим Егоров вернулся из Израиля. Уже было 4 поездки в Штаты, в Швецию... А в студенческие годы, когда учился на логопеда в Московском педагогическом, песни исполнял не сам. Были две девочки, Тамара и Ляля, пели Дулова, Окуджаву, спели и егоровские «Дожди». Вадим иногда ходил на их концерты и млеял от того, что его исполняют, слушают.

Однажды его вытаскивали на сцену почитать стихи. С тех пор и началась концертная деятельность, продолжающаяся уже 30 лет. На каждом приглашение летел счастливый. Никто его еще не знал. А в соседнем доме жил Галич — уже — великий, имя его было известно всей интеллигенции в стране. Галич и Егоров стояли вместе в очереди за хлебом, за молоком, и Вадим был вполне счастлив, молча созерцая знаменитый затылок.

В своей песне «Баллада о певчей стае» Вадим скажет о Галиче «один из нас», однако союза бардов, дружной стаи, летящей за вожаком (это место Вадим по праву отводит Окуджаве), на самом деле нет. «Давайте подлетим поближе», поет он, но барды, как кошки, гуляют сами по себе. Очень завидовал Вадим чрезвычайно продуктивному некогда союзу: Берковский, Никитин, Визбор, Сухарев. Они дружили даже семьями, много создали вместе. Потом союз их распался.

Сам Вадим дружен с Вероникой Долиной, Владимиром Туриянским, а бардом номер один для него всегда оставался Окуджава, в чьих песнях — неповторимая музыкально-поэтическая органика. По собственным словам Вадима, «любимчиком» мэтра он никогда не был. Правда, Булат Шалвович как-то попросил переписать ему текст «Баллады», может, потому, что это песня о нем.

плюс-минус бесконечность. Вадима Егорова знают, может быть, десятки тысяч человек. (Любопытно, даже в доме, где он живет, его не знают). Да ему и не нужно. Довольно часто пытаются взять интервью — Вадим отмахивается. Песни, выступления стали работой. Двадцать три года трудится он в НИИ, а заработки все — от концертов. Ведь бард нынче не только выражение чувств, состояния души: это профессия. По наследству она не передается: выросшие сын и дочь песен не пишут, зато дают отцу много материала для творчества.

Вы никогда не пробовали летать? В детстве, во сне — конечно, не раз. А так, среди бела дня, чтобы:

Плыли внизу реки, поля бы,
у всех бы пап

падали шляпы —
вот красота! Только бы
папа не увидал.

Вадим увидал и сочинил песенку с умным советом в конце: взлететь можно и вместе с папой, если раздобыть немного порошу, и...

А потом детки подросли, и дочь-шестилеточка замуж собралась, обещав, что «с детьми мы подождем до конца начальной школы». Пришлось и про нее сочинить «Песенную иллюстрацию к проблеме акселерации». О чем еще появляются песни? Да обо всем: о жене Тане, «курносом сидящем ангеле», о том, что вспомнилось спустя годы, которые скачут, «как драже по дубовому паркету», как «в море Черном мы купались неглиже». И просто о том, что за окном — дождь. И это грустно и красиво: «Я вас люблю, мои дожди, — поет Вадим, — мои тяжелые, осенние...».

А я люблю песни Егорова, потому что с ними легче «плыть по зеркалам, в которых отражаться некому».

Известность Окуджавы —

Ю. НЕМЦОВА.